

Баллада об отце и вечности

Сквозь осень
Так отчетлив горький дым
Листвы, октябрьской вечности, дороги.
Отец был мичман.
Даже став седым –
Он слышал по ночам сигнал тревоги,

Срывался,
Рвался мчаться «по местам».
И мама понимала, обнимала
И знала, что он снова будет – там,
С началом сна начнется все сначала.

Он так
И не собрался на покой,
Унять бессилен дрожь глубинной жилки –
Ходил в День Флота в форме щегольской
И к Дню Победы поправлял могилки.

Историю
земли, семьи, страны
он чувствовал спокойно, по-солдатски.
Он знал: кому мы в вечности нужны,
когда б не те, кто похоронен в братских.

Не стоит
В каруселях пышных фраз
Томить себя бессмысленным вопросом.

Ведь если Бог глядит еще на нас,
То это, зная, они Его так просят.

Им тоже –
очень трудно по ночам,
Срываются по вахтам и расчетам.
Но где-то там, в начале всех начал
их все же успокаивает что-то.

Сквозь отсвет,
Блик предвечного огня
Они глядят спокойно. И я лично
Уверен: если смотрят на меня,
То только потому, что папа-мичман

Сгорел мгновенно.
Вспышкой.
Не истлел.
И, уходя
осеннею аллеей,
До смерти ни о чем не пожалел.
Как и они,
дай Бог,
не сожалеют.